

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 107 (3763)

Четверг, 5 сентября 1957 г.

Цена 40 коп.

НАВСТРЕЧУ 40-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

ВСПОМИНАТЕЛЬНЫЕ ДНИ

Николай Асеев: Советская весна

ПАМЯТЬ хранит строфы, написанные в те годы. Хороши они или плохи, — сейчас даже не это важно. Дорого ощущение молодости, которое приходит вместе с ними. Молодость «странно-подростковая», нашей советской. Отказы — это молодость каждого из нас. Страницы, на которых записаны победы тех лет, стали страницами наших личных биографий. Потому-то помнится все, до мельчайших деталей —

Как на спецовках И сонет от ветров, Как мы, любя, сердась,	И месят, как бетон. Аэропланы тянут даль, Как невод, за собой...	И бьет советская весна Из вышек нефтяных. И человек не одинок В такой большой весне, И счастье лестится у ног Все ближе и тесней. И ты пройдешь проходку лет И вырубшь забой, И светлой молодости след Оставишь за собой...
Ведем свое метро. Как бег годов — что лет минут. И песни нет	Упорно врубавая сталь Вьедается в забой... Растет добыча чугуна. Огромен дел дневник,	
Что люди будущее пре то, мнут		

ГРАНДИОЗНЫМИ свершениями отмечены в жизни советского народа годы первых пятилеток — годы победы социализма, торжества политики Коммунистической партии. Наша страна из аграрной превратилась в мощнейшую индустриально-колхозную державу. Развернулись и окрепли такие победоносные движения, силы советского общества, как морально-политическое единство, дружба народов СССР, советский патриотизм.

В эти годы с особой полнотой было претворено в жизнь завещанное Лениным — литература стала неотделимой, важной составной частью общепролетарского дела. Вместе со своими героями писатели поднимались на леса великой стройки, были в самой кипучей борьбе за индустриализацию и коллективизацию, там, где воздвигались Днепрострой и Магнитогорск, Сталинградский тракторный и Кузнецкий металлургический; вместе с народом они создавали золотые строки Конституции СССР, выходили на трибуну исторических партийных съездов, осветивших путь человечеству на многие годы вперед; вместе со своими героями сражались, дерзали, росли. И если двадцатые годы были порой горячей юности литературы, «рожденной бурей», то эпоху первых пятилеток можно по праву назвать порой ее зрелости.

Именно в эти годы отчетливо проявились ее лучшие качества, получившие свое дальнейшее плодотворное развитие в сороковые и пятидесятые годы, — коммунистическая партийность, неиссякаемый оптимизм, высокая художественность, качества, скисавшие ей мировой славу, сделавшие ее самой передовой, идейной и революционной литературой человечества. Именно в эти годы в ней родилось многое из того, что питает творчество советских писателей, прогрессивных художников всех народов и в наши дни.

Идя навстречу славной годовщине Великого Октября, мы с гордостью оглядываем большой путь, проделанный нашей литературой за сорок лет. 6 июля «Литературная газета» опубликовала страницы, посвященные произведениям первых советских лет. Вслед за материалами о тридцатых годах газета предполагает выступить с рассказом о дальнейшем развитии советской литературы.

«Литературная газета» обратилась к видным советским писателям с просьбой поделиться своими воспоминаниями и раздумьями о литературе первых пятилеток. Вот что они рассказали.

Федор Гладков: Как я писал «Энергию»

МЫСЛИ об «Энергии» зародились у меня вскоре же после выхода «Цементов», в 1926 году.

Весной 1927 года я поехал на Днепрострой. Здесь еще шли подготовительные работы: проводились геодезические съемки, строились первые временные жилища.

Прежде всего я связался с партийной организацией и принял активное участие в ее работе. С первых же дней оказался в курсе всех дел. Живое общение с рабочими, наблюдение, изучение производственных процессов дали мне возможность осмыслить и характер этих трудовых процессов, и увидеть человека-строителя. Я изучал работу и был граблером, каменистом, буровщиком, металлистом... Постепенно на место граблера, очень своеобразной артели охотников, которые исцелили на моих глазах, пришли экскаваторы. Каждый экскаватор вытеснял сотни землекопов. Пилы и топоры уступили место мощному лесозаводу. Вместо колымажек граблеры начали появляться думпкеры — самосвалы. Потом их стало много.

Я старался быть независимым, свободным и никому не быть в тягость. Надб всегда помнить: ты — рабочий, незаметный человек, вынужденный во всем, более за неурядицы и борись за план, как ударник.

Перед нами, писателями, был грандиозный материал: разнообразие трудовых процессов, широкий производственный размах, необычайные механизмы, стройная организация труда и люди, которые научи-

лись управлять новыми машинами с не меньшим мастерством и с большей производительностью, чем в Америке, — советские люди, которые строили новую жизнь, новые отношения. Днепрострой был одной из культурнейших строек нашей страны. Подбор инженерно-технических кадров там был превосходный, а начальная строительная организация, Старый, очень опытный инженер, построивший Шатурскую электростанцию, Винтер поставил целью — соорудить Днепрострой дешево и хорошо, не только руками, а с силой высочайшей техники. Винтер рассчитал правильно: прежде чем строить большое предприятие, нужно обеспечить рабочих и инженеров хорошими жилищами, организовать общестроительное питание. Дома кадровых рабочих и инженеров были сооружены одновременно: при каждом доме — сад, деревья, цветы; на площадях — скверы, по улицам — бульвары.

Вся эта масса наблюдений и была использована при работе над «Энергией».

Социалистический реализм определяет образным познанием сущности диалектического развития действительности, то есть действительности в ее напряженной борьбе, в самодвижении, в создании новых социалистических ценностей.

Наше время не чуждо романтики. Наша эпоха — это эпоха обыкновенных людей и вместе с тем людей-героев, потому что сама наша действительность героична. Наши герои — не былинные богатыри, стоящие над другими людьми;

И припомнилось мне, как в детстве, после ареста отца, я вместе с бабушкой ездил к нему на свидания в Таганку на московской конке. Это «сурьезное» сооружение продвигалось с визгом, с золотоордынским повистом. Его тащили изможденные лошади, обремененные челядью из городской думы, скорее лошадиные призраки.

Таков стремительный бег времени, таковы изменения во всем окружающем, таков размах того куска истории, где нам отведено место для жизни и деятельности. И эта, ни с чем не соизмеримая емкость эпохи — дело рук человеческих, ибо историю движут человеческие усилия. А значит, наше поколение очень хорошо поработало. Значит, годы строительства Сталинградского тракторного завода, Ростсельмаша, Московского и Горьковского автозаводов, Магнитогорска были героическими годами.

История столкновения наступающей новизны с российской архаикой, истории первой встречи машины с дремучими недрами и был посвящен мой роман «Соть», выпущенный в начале 1930 года.

И припомнилось мне, как в детстве, после ареста отца, я вместе с бабушкой ездил к нему на свидания в Таганку на московской конке. Это «сурьезное» сооружение продвигалось с визгом, с золотоордынским повистом. Его тащили изможденные лошади, обремененные челядью из городской думы, скорее лошадиные призраки.

это простые люди из массы рабочих и колхозников, которые вдохновлены, с энтузиазмом, с глубоким убеждением борются за завтрашний день, во имя будущего, во имя великого идеала — коммунизма. Все это, разумеется, не должно проходить мимо писателя.

Я попытался отразить в книге по возможности все коренные проблемы современности, напряжение борьбы рабочего класса и партии в период первой пятилетки.

Изучая жизнь, вслушиваясь в нее, я искал созвучия слою и полнокровные образы, которые с наибольшей правдивостью отражали бы действительность. Я стремился к тому, чтобы фигуры людей были живы, ярки, чтобы они были ощутимы до иллюзий. Цель же романа состояла в том, чтобы социалистический труд в его пламенности, самоотверженности, в творческой направленности возбуждал, звал, возмущал, закигал человека энтузиазмом и глубокой верой в свои творческие силы, воспитывал в нем высокие сознание.

Мне хотелось, чтобы он волновался от яркости и образности книги. Иными словами, чтобы читатель осознал себя, почувствовал и убедился, что путь и великая борьба под руководством нашей партии — единственно правильное движение к реальному идеалу, к коммунистическому строю, что наша борьба, наш труд, наше марксистско-ленинское учение — единственная истина, единственный достойный смысл жизни.

И припомнилось мне, как в детстве, после ареста отца, я вместе с бабушкой ездил к нему на свидания в Таганку на московской конке. Это «сурьезное» сооружение продвигалось с визгом, с золотоордынским повистом. Его тащили изможденные лошади, обремененные челядью из городской думы, скорее лошадиные призраки.

Таков стремительный бег времени, таковы изменения во всем окружающем, таков размах того куска истории, где нам отведено место для жизни и деятельности. И эта, ни с чем не соизмеримая емкость эпохи — дело рук человеческих, ибо историю движут человеческие усилия. А значит, наше поколение очень хорошо поработало. Значит, годы строительства Сталинградского тракторного завода, Ростсельмаша, Московского и Горьковского автозаводов, Магнитогорска были героическими годами.

История столкновения наступающей новизны с российской архаикой, истории первой встречи машины с дремучими недрами и был посвящен мой роман «Соть», выпущенный в начале 1930 года.

И припомнилось мне, как в детстве, после ареста отца, я вместе с бабушкой ездил к нему на свидания в Таганку на московской конке. Это «сурьезное» сооружение продвигалось с визгом, с золотоордынским повистом. Его тащили изможденные лошади, обремененные челядью из городской думы, скорее лошадиные призраки.

Тридцатые годы

Литература тридцатых годов

Как ярко отразились в ней все своеобразие веховой эпохи, невиданные преобразования в экономической и социальной жизни нашего народа! События, связанные с этими преобразованиями, свежи в памяти каждого советского человека. Новое, социалистическое общество, сложившееся в результате победы коммунистической революции, отражаясь в литературе, обострило классовую борьбу в период решительного наступления социализма по всему фронту, то в дальнейшем победоносное утверждение социализма привело большинство литераторов к самой активной поддержке политики партии. Все больше и больше писателей становилось под знаменем марксистско-ленинской идеологии. Участие в борьбе, которую партия и народ вели с буржуазными и кулацкими элементами, с троцкизмом и буржуазным национализмом, с правыми и их агентурой на идеологическом и литературном фронте, идейно и организационно укрепляло и объединяло основную массу литераторов.

В двадцатые годы часть писателей, замкнувшись в узких рамках литературных групп и группочек, оказалась оторванной от жизни и тем самым лишенной необходимой жизненной впечатлительности. В новых исторических условиях эти группировки стали серьезной помехой развитию литературы.

Центральный Комитет Коммунистической партии своим постановлением «О перестройке литературно-художественных организаций» (1932 г.) призвал положить конец организационной раздробленности писателей, консолидировать силы всех литераторов, поддерживающих платформу Советской власти.

Собравшийся через два года I Всесоюзный съезд советских писателей определил основные принципы литературы социалистического реализма, принял Устав Союза советских писателей. Съезд наметил глав-

ные задачи и пути развития советской литературы. Факт организации Союза явился свидетельством большого идейного роста писателей, признанием огромного значения художественной литературы в идеологической жизни страны. Важно отметить, что к съезду оформились многие новые национальные литературы братских республик. Дальнейшее развитие единой и многонациональной советской литературы проходило под руководством и при поддержке партии в борьбе за высокую коммунистическую идейность, патристическую направленность, народность, против реакционных эстетических «теорий», против формализма и эстетизма, натурализма и вульгарного социологизма. Большой вклад в дело успешного развития нашей литературы, разработки ее теоретических основ внесли советские литературоведы и критики.

Значительную роль в деле объединения писателей и мобилизации их усилий для решения задач, вставших перед страной, сыграл М. Горький. Размах его организаторской и издательской деятельности, его работы с начинающими писателями, многосторонний его литературно-критический выступлений не имеют себе равных в истории мировой литературы.

Характеризуя особенности советской литературы тех лет, М. Горький не раз отмечал такие ее качества, как широта охвата действительности, активную и действенную связь с современностью. «Мы имеем право сказать», — писал он уже в 1930 году, — что никогда еще и нигде литература не шла так «нога в ногу» с жизнью, как она идет в наши дни — нас».

Активное вторжение писателей в жизнь предопределило широкое развитие очерка. Этот литературный жанр оказался наиболее оперативной формой познания жизни и приобщения миллионов к тому, что происходило в недоступном их глазу пространстве. Одним из первых в этом жанру обратился М. Горький, создав циклы

Ю. ПУХОВ

очерков «По Союзу Советов» и «Рассказы о героях».

В годы первых пятилеток выходили в свет многочисленные очерковые циклы, пользовавшиеся большой популярностью среди массового читателя. Такими были очерки «Люди нашей страны», опубликованные в газете «Правда», книги «Четыре поколения», «Люди Сталинградского тракторного», написанные кол активными авторами. В это время сложился крепкий боевой отряд мастеров очеркового жанра — Б. Агапов, В. Ганин, В. Горбатов, И. Янга, Я. Ильин, В. Ставский и многие другие.

Своими очерками литераторы помогали вскрывать недостатки, мешавшие успешному строительству. Но основной их пафос был направлен на утверждение того нового, положительного, что рождалось в советской действительности, на создание образа положительного героя тех лет. Проникнутые большевистской партийностью, очерки способствовали воспитанию коммунистического отношения к труду, к общественной собственности, укреплению и развитию энергии масс.

Успехи социалистического строительства, активное участие в нем сыграли определяющую роль в пересмотре литературы, в их идейном и художественном развитии. В результате огромной воспитательной работы партии перед писателями раскрылся смысл происходящей гигантской перестройки жизни.

ГАЗЕТНАЯ работа для многих писателей явилась замечательной школой, подготовившей их к созданию значительных эпических произведений о людях, строящих социализм. Об этом свидетельствует как само творчество, так и высказывания писателей. Например, М. Шагиня прямо указывала на свою работу в газете как на важный этап на пути к созданию романа о социалистическом строительстве. «Могла ли возникнуть Гитроцентр без этой предварительной уче-

бы? — писала она. — Конечно нет. Газета легла здесь мостом между писателем и книгой, она послужила даже и в чисто профессиональном смысле большую службу, как подготовка многочисленных эссе-дов к большому полноту».

На основе живых фактов реальности были созданы наиболее видные романы в 30-е годы. Их авторы являлись непосредственными участниками изображаемых событий или в роли корреспондентов центральных газет, как, например, А. Малышкин, Ф. Гладков, В. Катаев, или в качестве рядовых строителей — рабочих, инженеров, как А. Бонин, А. Авдесенко, Ю. Крымов. В начале 30-х годов родился роман «Соть» Л. Леонова — о строителях бумажно-целлюлозного комбината в глухом северном углу России, разбуживших вековой сон дробей. Потом «Время, вперед!» В. Катаева — о невиданных в истории темпах строительства новых индустриальных гигантов; первая книга «Энергия» Ф. Гладкова — о массовом трудовом героизме рабочих Днепростроя, о руководстве партии делом социалистического строительства. Во второй половине 30-х годов появились «Люди из захолустья» А. Малышкина, проникнутые пафосом наступления социализма на старую уральскую Русь, «Танкер «Дербент» Ю. Крымова, в котором изображены люди, по-новому, творчески относящиеся к своему труду.

Можно назвать еще множество книг о социалистическом строительстве, об индустриальном труде: «Ведущая ось» В. Ильенкова, «Большой конвейер» Г. Янгина, «День второй» П. Зренбург, «Горячий пех» В. Полевого, «Ольга Ермолаева» А. Бондина, «Великий или Тихий» В. Ильина, «Роман Мексгорь» Ивана Ле и другие. Общность идейно-художественной направленности позволяет считать эти произведения единым циклом романов о строительстве социализма, о социалистическом индустриальном труде.

(Окончание на 2-й стр.)

Плакаты тридцатых годов с текстом В. Маяковского.

Валентин Катаев: Неповторимые героические дни

ВРЕМЯ неуклонно движется вперед. И все длинней путь, оставшийся позади, все отдаленней события минувшего. Но, отходясь во времени, они не становятся меньше, мельче. Нет, очистившись от случайного, несущественного, искажающего пропорции, они встают перед твоим душевным взором величественные, поразительные яркостью и чистотой своих красок, четко так ясно.

Так мне видятся теперь уже далекие, но все же необычайно близкие тридцатые годы. Для меня их начало — это участие во «Всесоюзном дне ударника», подписание договора о шефстве, которое над нами, группой московских писателей, взяли рабочие завода «Красный пролетарий»,

в том же году, вместе с Демьяном Бедным, мы отправились на Днепрострой. Потом Ростсельмаш. Потом наши корреспондентские рейды на Сталинградский тракторный, в молодые колхозы, в МТС. И памятная поездка в Магнитогорск, на легендарную стройку. Родился роман. Заглавие его хочется повторить слова, без которых, как мне покажется тогда, четверть века назад, невозможно было закончить «Время, вперед!», повторить потому, что для меня они и сейчас звучат как наказ самому себе, как строки из личного творческого устава:

«Пусть ни одна мелочь, ни одна деталь самая крошечная подробность наших неповторимых героических дней первой пятилетки не будет забыта».

наша страна превращалась из аграрной в индустриальную, как строили рождалась тысяча новых героев-ударников, как громадным плодородным пластом перерождалась в глазах целый мир, — все мы в большую долгу перед эпохой тридцатых годов.

Оттого сегодня еще раз хочется повторить слова, без которых, как мне покажется тогда, четверть века назад, невозможно было закончить «Время, вперед!», повторить потому, что для меня они и сейчас звучат как наказ самому себе, как строки из личного творческого устава:

«Пусть ни одна мелочь, ни одна деталь самая крошечная подробность наших неповторимых героических дней первой пятилетки не будет забыта».

З а о ж е а н!

Мы проводили вчера в далекий путь советский воздушный корабль «ТУ-104». Он полетел в Нью-Йорк...

...И вот вспомнилось хмурое утро над Москвой 1933 года, мелкий косой дождик, то и дело напавший на аэродром со стороны Покровского-Стрешнева. Мы — тридцать советских и иностранных журналистов — поджидали здесь американского пилота Вилли Поста, совершавшего кругосветный перелет с многочисленными посадками в пути. Нью-Йорк неправильно сообщил старт, и мы вот уже шесть часов томимся в муках ожидания.

Приехал М. М. Громов. Журналисты обступили его. Один из них, достав блокнот, спрашивает:

— Пожалуйста, переведите ему: думает ли мистер Громов, что я смогу вернуться в Нью-Йорк на советском пассажирском самолете?

— А я не знаю, когда вы собираетесь возвращаться?

Михаил Михайлович ответил вполне серьезно. Но вокруг раз-

дался дружный хохот. Любопытный корреспондент смущенно развел руками:

— Да я не могу сейчас точно сказать, когда буду возвращаться...

— Как же я отвечаю на ваш вопрос? Ведь я не знаю, когда вы собираетесь покинуть...

Снова хохот. Незадолго до этого интервьюера отпустили. Другой спрашивает:

— Может быть, мистер Громов скажет нам свое мнение о Вилли Посте?

И снова Михаил Михайлович остался верен своему стилю:

— Какой же пилот может быть плохим? Мнения о другом пилоте?

Громов, вероятно, замучили бы вопросы. Спас его забывшийся радост. Он вбежал в помещение, в котором мы, приоткрыл и сообщил, что пятнадцать минут назад Вилли Пост пролетел над Смоленском.

Самолет из США вскоре по-

явился на летном поле. Прежде чем зайти на посадку. Пост описал над аэродромом, покрывшая крыльями, три традиционных круга. Громов усмехнулся:

— Вежливый господин. А ведь смертельно устал бедняга, должно быть!

Наконец, Пост приземлился. Мы обступили его машину со всех сторон. Прежде всего он достал какую-то сумку и вынул из нее папку писем, адресованных от родственников и друзей американским корреспондентам в Москве. Таким образом, перелет Вилли Поста можно считать если не пассажирским, по-скольку он привез только самого себя, то во всяком случае — почтовым.

Трансарктические перелеты в Соединенные Штаты экипажей Чкалова и Громова знамять лет назад произвели ошеломляющее впечатление на мировое общественное мнение.

Наш «ТУ-104» уже сегодня снискал себе мировую известность. Они успели побывать в Варшаве, Праге, Бухаресте и Будапеште, в Лондоне и Копенгагене, в Пекине и Дели, в Рангуне и Джанкарте, в Анкаре. И всюду, где они появлялись, эти самолеты вызвали живой интерес среди всех слоев населения.

На аэродромах совершались настоящие паломничества. Летному составу приходилось отвечать на сотни вопросов не только корреспондентов, но и множества простых людей.

Старшим пилотом экипажа «ТУ-104-А» в США летит Герой Советского Союза Павел Михайлович Михайлов, один из двенадцати гражданских летчиков, удостоенных этого звания. Возможно, он встретит в Америке боевых друзей. В годы Великой Отечественной войны он составил себе репутацию «специалиста» по полетам над врага, на партизанские точки, не только на сброс, но и с посадкой. Поэтому однажды вместе с другими гражданскими летчиками Михайлов пере-

— Пассажиром, летящим рейсом из Москвы в Нью-Йорк через Лондон, прошу пройти на посадку, — эти слова диктора Внуковского аэропорта возвестили открытие пассажирской воздушной дороги Москва — Нью-Йорк.

Раннее утро 4 сентября. У самого здания аэропорта стоит серебристый самолет «ТУ-104». Все готово к отлету. Последние напутствия, рукопожатия, смех, шутки. Тепло встречают наши летчики трех английских штурманов, которые по заданию обычных будут продавать зарубежный курс нашего самолета до Лондона. Стрелка часов подходит к шести, и хотя над московским аэропортом солнечное небо, получено сообщение, что над трассой есть сильная облачность, вылет поэтому несколько задерживается.

С разрешения старшего пилота Героя Советского Союза П. Михайлова входим внутрь самолета. В кабине на своих местах командир экипажа В. Бугаев, пилоты П. Деятов, И. Орловец, штурман И. Носов, бортирщики А. Козлов и Н. Метелин. В салоне несколько больше, чем на «ТУ-104», количество кресел. Оказываются, в Нью-Йорк летит старший брат «ТУ-104» — «ТУ-104А». В нем не 50, а 70 мест. А вот и первые пассажиры новой трассы — часть советской делегации, отправляющаяся на сессию Генеральной Ассамблеи, и некоторые советские сотрудники при Организации Объединенных Наций. Среди них самый маленький пассажир — четырехлетний Сашка Гуриничев.

Вскоре сообщают новую метеосводку — небо на трассе прояснилось, можно лететь. Начальник управления транспортной авиации А. Семенов дает последние указания. Убирается трап, и тягачи выводят воздушный корабль на взлетную дорожку. Оглушительный рев двигателей, стремительный разбег, и в 7 часов 45 минут утра машина отрывается от земли.

Если и в самом деле я встречу в Америке боевого друга по балканской кампании и он меня не узнает, тринадцатилет все-таки прошло с тех пор, — мне достаточно будет сказать: «Я — Ланки Тоуер, я — Ланки Тоуер...»

Не так давно Герой Советского Союза П. Михайлов выступал на собрании, посвященном двадцатилетию со времени перелета экипажей Чкалова и Громова через Северный полюс в США. В заключение своей речи Павел Михайлович сказал:

— Твердо убежден, что недалеко тот час, когда в Америку пойдут на этот раз уже не рекордные машины, а обыкновенные пассажирские самолеты. Американцы же будут летать к нам... Предсказание Михайлова начинает сбываться. Он сам вылетел в первый пробный рейс с пассажирами. Но это, конечно, только начало... Мы пожелаем нашим товарищам счастливую и успешную работу, что пребывание первого советского пассажирского самолета в Соединенных Штатах каждый честный, порядочный человек на всем земном шаре воспримет как визит дружбы и мира.

Рассказывая мне об этом, Михайлов, смеясь, говорил: А. ГАРРИ

Участники первого рейса «ТУ-104-А» в США: Герой Советского Союза П. Михайлов, П. Деятов, В. Бугаев, И. Орловец и М. Буланов на борту самолета рассматривают карту перелета. Фото В. Темина

Николай Погодин: Драгоценное качество

С ОВЕТСКАЯ драматургия — это новое, невиданное явление в искусстве. Мне кажется (а возможно, это подтвердят и другие литераторы старшего поколения), что она возникла стихийно под влиянием разлития новых явлений действительности, под влиянием новых и удивительных отношений между людьми.

Помню, как на месте нынешнего завода-гиганта Сталинградского тракторного было голое поле. Прямо у меня на глазах возникли там железнодорожные вагны, огромные корпуса. Все это рождалось неожиданно, неслыханными, непонятными темпами. Явления эти были как бы внешними, касались только промышленности, но мы, газетчики, очеркисты, видели в жизни и нечто более глубокое и ошеломляющее. Для тех, кто знал народ, знал его прошлое, это имело громадное психологическое значение.

Виссарион Саянов: Становление нового

КТО-ТО из советских критиков замечательно сказал однажды, что наша литература выстрадала метод социалистического реализма. Эта перифразировка знаменитого высказывания Ленина о марксизме, который Россия выстрадала полувек истории, думается мне, выражает очень глубокую мысль. Процесс становления нового, подлинно передового советского искусства был не так прост и легок, как кажется сегодня некоторым упущением.

В последние, поистине подвижнические, годы своей жизни Горький трудился с невероятным напряжением сил. Весь богатый жизненный опыт, всю силу своего гения отдавал он воспитанию новых поколений писателей. Мне пришлось именно в эту пору работать под непосредственным руководством Алексея Максимовича в «Литературной школе» и «Библиотеке поэта». Вспоминать это время, я с особенной силой чувствую, как мура и прозорлива была работа Горького о молодом поколении.

Петро Панч: Жизнь требовала...

НА давке сидел босой небритый парень и хворостинкой выводит какие-то каракули на песке. — Что это вы написали? — Кажись, что 5, — ответил парень смущенно. — А вы грамотный? — Кабы-то. До революции разве об этом думали? А потом — перерос.

И жена поет, — сообщил он не то шутя, не то серьезно. Веселый народ пошел, думает. И вот наступил 29-й год, «год великого перелома», началось горячее время первой пятилетки.

Ф. Гладков и А. Малышкин в Магнитогорске. 1921 год.

Тридцатые годы

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Проникнутые пафосом созидания, пафосом борьбы за новое общество, эти романы утверждают тему труда, за которую так ратовал М. Горький. Она становится в них основной темой. Свободный от эксплуатации труд определяет содержание жизни их героев. Творческий труд имеет решающее значение в раскрытии внутреннего мира и поступков персонажей, в развитии действия.

Небывалого расцвета в эти годы достиг советский исторический роман. Марксистско-ленинская идеология вооружила писателей правильным пониманием истории. «Жизнь Клима Самгина» М. Горького, «Петр I» А. Толстого, романы и повести А. Чапыгина, В. Шаншкова, О. Форш, С. Сергеева-Пенского, А. Новикова-Прибоя, Ю. Тынянова и других новаторски показали народ как основную, движущую силу истории.

С каждым годом все богаче и ярче становится театральная жизнь страны. Советский театр приобретает подлинно народный, массовый характер. Повышается идейный уровень пьес, охватывающих все более широкий круг явлений действительности. Драматурги овладевают методом социалистического реализма.

Со временем изменяется и существо конфликтов, положенных в основу этих произведений. В ранних романах напряженность действия достигалась, главным образом, за счет «внешних» конфликтов, то есть посредством изображения острых столкновений между носителями новых идей и врагами социализма. В произведениях, написанных в более поздние годы, на первый план в развитии действия выдвигается «внутренний» конфликт, то есть борьба с пережитками буржуазной идеологии в сознании людей, борьба нового со старым в сознании героя.

Одновременно растет число книг, отражающих жизнь народов братских республик, — «Кара-Бугаа» К. Наустовского, «Саранчуки» Л. Леопова, «Чукотка» Т. Семушкина; книги, посвященные «западной» теме, — «Похищение Европы» и «Санаторий Артур» Б. Федина, «Тень друга» Н. Тихонова, «Испания! Испания!» М. Кольцова. Огромную популярность среди детей и взрослых завоевывают произведения А. Гайдара, В. Житкова, С. Маршала, К. Чуковский.

Позняя тех лет развивалась в борьбе против враждебных тенденций, против безыдейности и интимно-камерной лирики, характерных для творчества таких поэтов, как Б. Пастернак, против индивидуализма и формализма, которые в то время выжили в творчестве ряда поэтов, в том числе у И. Сельвинского и С. Кирсанова.

В процессе развития романа о рабочем классе авторы все более и более сосредоточивали свое внимание на изображении человеческих характеров, произведения постепенно освобождались от несущественных мелочей, эмпирических описаний, ненужных подробностей в изображении производственных процессов.

В эпоху первых пятилеток, когда наибольших успехов достигла художественная проза, плодотворно развивались и наша поэзия, и наша драматургия. Важным событием в драматургии была пьеса М. Горького «Егор Булычов и другие», появившаяся в 1932 году. По глубине социально-философского замысла, по силе революционной страсти, великолепно выделенным фигурам персонажей и предельной выразительности языка она являлась высоким образцом драматургии социалистического реализма.

Лучшие традиции русской поэзии, замечательное новаторство поэзии 20-х годов нашли достойных продолжателей в лице Д. Бедного, Н. Тихонова, М. Исаковского, А. Твардовского, В. Луговского, А. Прокофьева, А. Суркова, В. Саянова, Н. Асеева, А. Велименского, А. Жарова. С каждым годом все громче звучал голос поэтов-лесников. Дороги сердца наших людей такие песни, как «По военной дороге» А. Суркова, «Полюшко» В. Гусева, «Антоша», «Провозанье», «И что его знает» М. Исаковского, «Хавочка» М. Светлова, «Партизан Железняк» М. Голдого. Всемирную известность завоевала песенно-творчество В. Лебедева-Кумача.

ЗНАЧИТЕЛЬНО место в литературе этого периода заняли книги, посвященные социалистическому переустройству деревни. Сложный процесс перехода крестьянских масс на путь коллективного хозяйства, ломки вековых устоев в деревне, борьба с пережитками мелкобуржуазной психологии нашли свое отражение в крупных художественных полотнах — «Поднятая целина» М. Шолохова, «Бруски» Ф. Панферова, «Страна Муравия» А. Твардовского. Писатели показывали, как на социалистической основе преобразуется жизнь советского крестьянства.

Драматургия в этот период разрабатывает в основном те же темы, решает те же проблемы, что и художественная проза.

Огромного расцвета достигают в 30-е годы литературы народов СССР. В эпоху первых пятилеток бурно шло их взаимное обогащение национальными сокровищами народного гения. Этому способствовали декады национального искусства, регулярно проходившие в Москве, начиная с 1936 года. Широко известным стало творчество народных поэтов Судеймана Стальского и Гамзата Цадасы, Джамбула. Всеобщее признание получило творчество Павла Тычины и М. Вакана, М. Рыльского и В. Союзных, Янки Купалы и Якуба Коласа, П. Бровки и П. Габки, Д. Гуля, Айбека, Гафура Гуляма, С. Рустама, Аветки Исаева, С. Вургуна, Е. Чаренца, С. Чкаванки, Г. Абашидзе, Г. Табидзе, С. Кудаса, К. Наджми, В. Кербабаява, А. Токомбаева, М. Ауэзова, С. Айни.

Идеи формирования новых, социалистических отношений, рождения нового человека, руководящей и организующей роли партии волновали всех крупнейших писателей тех лет. Исключительно сильное, своеобразное решение эти темы нашли в романах Н. Островского «Как закалялась сталь» и А. Макаренки «Педагогическая поэма».

Героика революции и гражданской войны, по-прежнему продолжавшая привлекать литераторов, в новых исторических условиях получила новое художественное

Вудт самые неожиданные возможности! Будут рекорды, призы, открытия, поток талантов... Это будет великая смена поколений — и тут писателю надо успеть попасть в течение, понять все их мысли и чаяния, понять, как растут они и откуда эта самая жила освобождения талантов бьет! Слава тому из нас, кто первый подметит все, соберет и обобщит и создаст произведение, равное времени, нами переживаемому.

ВО ИМЯ БУДУЩЕГО

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ

А. М. ГОРЬКИЙ

Из письма к И. М. Касаткину

16 февраля 1926. Неаполь.

Русь никогда еще не переживала столь серьезных лет и литераторам пора уже понять это. Некоторые — начинают понимать и пытаются создавать большие картины. «Цемент» Гладкова, «Барсуки» Леонова, «Юкля» Тынянова, «Одежды нагие» Форш, «Города и годы» Федина — это уже, в разной степени, удачные начала новой русской литературы. Тынянов написал книгу, которая гасит всю сухую бессильную болтовню не только одного Мережковского. У Тынянова чувствуется, хоть и не очень сильно, традиция «Войны и мира». Новая, «большая» литература создается — именно к созданию ее и должны быть направлены все силы.

Темы времени, его человеческие темы: динамика города — статика деревни; труд, тема впервые поставленная Гладковым: перерождение женщины; уродливый символ старости с новизной! безуспешное искание человеком устойчивого равновесия в года бунта и т. д. Тем новых — сотни. Анекдоты, конечно, миллионы. Но если необходимы и анекдоты, надо писать их хорошо.

Основной же неисчерпаемой темой нам, навеки, дан человек в его противостоянии внешнему миру — природе, «ближнему», — человек в борьбе, в движении, в жажде роста и т. д.

Касаткин Иван Михайлович (1880—1939), писатель. Составил в многолетней переписке с А. М. Горьким.

Из письма к Вяч. Полонскому

5 июня 1926. Сорренто.

Вы совершенно правы «книжничать и лессимизм надобно оставить». Удивляюсь г.т. критиканам — о чем плачут? Плакать — не о чем. Такого подъема в литературе, какой ныне наблюдается — никогда еще не было. Это — факт. Плохо пишу? Правильно, очень многие пишут плохо. Но, когда нам было по шести, восьми лет от роду, мы тоже плохо говорили. Потом — научились говорить лучше. Не правда ли?

О молодых писателях очень хочется написать, очень! Я — всех знаю, читаю и многие весьма радуют. А всех — необходимо приобщить. К осени я это сделаю. Наверное.

Вячеслав Полонский (Вячеслав Павлович Гусин, 1886—1932), литературный критик. В то время — редактор журнала «Новый мир».

Александр АФИНОГЕНОВ

Со страниц дневников

1937.

Первое сентября. Через два месяца — двадцатая годовщина! И снова забывается все мелкое и личное пережитой этой датой. Двадцать лет! Поколение выросло! И сколько перемен, сколько нового и непередаваемо величественного в этих двадцати годах.

Мы ждем и морщимся от уютов, мы часто забываем масштабы времени, в котором живем. А масштабы эти таковы, что наши личные судьбы неизбежно включены в общий поток исторических сдвигов — и тут надо раз и навсегда понять — чем спокойнее ты внутренне — тем больше и ярче раскрываются твои глаза на происходящее. Ты многого не понимаешь еще во всем объеме, так трудно камешки на лесах понять смысл возводимого им здания и его архитектурную форму...

Будут самые неожиданные возможности! Будут рекорды, призы, открытия, поток талантов... Это будет великая смена поколений — и тут писателю надо успеть попасть в течение, понять все их мысли и чаяния, понять, как растут они и откуда эта самая жила освобождения талантов бьет! Слава тому из нас, кто первый подметит все, соберет и обобщит и создаст произведение, равное времени, нами переживаемому.

Сергей СМЕРНОВ

ЛЮБОВЬ МОЯ РАБОЧАЯ

Метрострой — любовь моя рабочая И начало вахты трудовой. Глубь забоя. Копель многогощия. Вечный гул Москвы. Круг друзей — над головой. Тесных общезный тарарам. Собственная первая зарплата. Первые стихи по вечерам... Метрострой, навек с тобою связана Жизнь моя, с лопатой и киркой, Для которой противопоказаны Тень да глать, Занявство и покой. И пускаться не вырвался в герои, Это поправимая беда: Я горжусь, что был на Рядовым шахтерского труда!

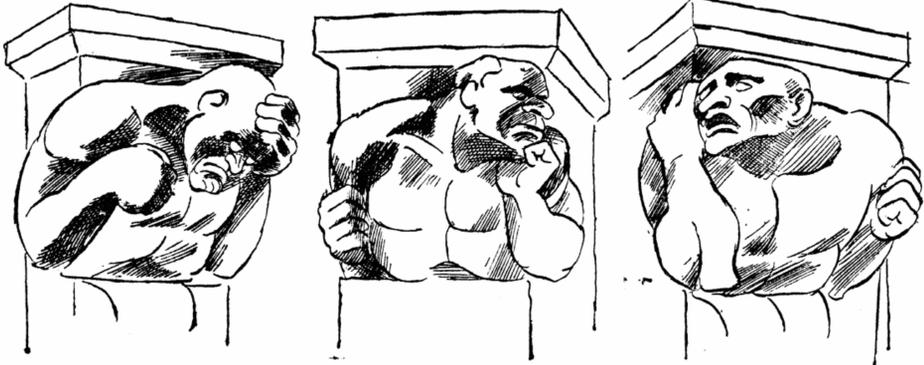

А. М. Горький на заводе АМО (ныне завод имени Лихачева), 1928 год.

А. Сурков, А. Фадеев, В. Малышевский и В. Ставский на выставке Малевича «20 лет работы», 1930 год.

БРОНЗОВЫЙ Ганс Христиан Андерсен, окруженный тенистыми буками, сидит на бронзовой скамье. Возле памятника играют дети. Две старушки мерно подбавляют спицами, выжут варежки. Напротив них на скамье, не обращая внимания на окружающих, делаются паренек и девушка. А рядом — на лужайках и в чутунных оград Королевского парка — зеленеющие травой холмы. По дорожкам, под алыми огоньками маков — железобетонные перекрытия бункеров.

«Памятник налогоплательщикам».

Рисунки для «Литературной газеты» датского художника КЕРПУЛФА ВИДСТРУПА

Такие же новые бомбоубежища я видел на бульварах и проспектах датской столицы, в провинциальных городах.

— Страх перед войной, перед «нападением с востока» — почти такое же приближающее дело для монополистов, как и сама война. И этот страх постоянно поддерживается нашей прессой, — говорит мне прогрессивный датский журналист. — Но все же я не советую вам писать о наших бомбоубежищах — это уже литературный штамп. Все советские литераторы, побывавшие в Копенгагене, пишут о них.

Вначале я решил последовать его совету. Но когда даже на сельскохозяйственной выставке я увидел специальный павильон для пропаганды приемов атомной войны; когда в кинотеатре города Раннерса в Ютландии перед приключенческим фильмом я вместе со всеми зрителями вынужден был просмотреть картину, в которой изображался атомный налет на Данию «с востока» и публика призывалась вступить в отряды «самообороны», я понял, что дело не в «литературном штампе». Шарящая здесь атмосфера психической подготовки к якобы неизбежной атомной войне так не похожа на ту, в которой живем мы, советские люди. И это бросается в глаза каждому свежему человеку. С другой стороны, пропаганда неизбежности войны стала тут настолько обыденной, привычной, что тривиальным кажется упоминание о таких призывах в газетах, как эти бетонированные летища НАТО.

Они широко распахнули свои двери для населения в ночь с пятно на шестое ноября прошлого года. Это было время, когда многие здесь хотели верить, что христианские миссионеры в Венгрии возмрут вверх. Это были дни, когда английская авиация бомбила города Египта и, казалось, с минуты на минуту может вспыхнуть новая мировая война. И вот тогда молниеносно облетела страну устрашающее известие: над Турцией на юг пролетели советские самолеты.

Датские сухопутные вооруженные силы, флот и авиация по приказу штаба НАТО были приведены в боевую готовность. Над Турцией же по своему обычному осеннему маршруту с севера в теплые края пролетали дикие гуси. Турецкие дезинформаторы, видимо, стремясь угодить тем, кто мечтает превратить «холодную» войну в «горячую», объявили гусей советской авиацией... Осенний перелет птиц, который раньше интересовал лишь охотников и естественников, стал предметом прений в датском парламенте. Вот почему я вспомнил о нем по дороге в фолькетинг.

Визит гостиницы, где я обосновался, на стене одного дома я увидел на плакате злую собаку.

Над Турцией же по своему обычному осеннему маршруту с севера в теплые края пролетали дикие гуси. Турецкие дезинформаторы, видимо, стремясь угодить тем, кто мечтает превратить «холодную» войну в «горячую», объявили гусей советской авиацией... Осенний перелет птиц, который раньше интересовал лишь охотников и естественников, стал предметом прений в датском парламенте. Вот почему я вспомнил о нем по дороге в фолькетинг.

Визит гостиницы, где я обосновался, на стене одного дома я увидел на плакате злую собаку.

«Прошли времена, когда можно было хранить деньги в сундуке. Теперь надежнее и выгоднее беречь их в Ландсбанке». Так написано на рекламном плакате крупнейшего в стране банка. Однако и в давние времена эта собака была таким же ненадежным сторожем, как сейчас банки. По первому требованию солдата, овладевшего чудотворным огнивом, она приносила ему золото, которое должна была охранять. Огниво и теперь в руках солдата. Только этот солдат — из штаба НАТО. Правда, нынче мало ударить по нему, чтобы получить золото из банка. Надо еще, чтобы проголосовал парламент. Солдат в штабе НАТО, высшая ограда из кривля, понимает, что раздутые военные бюджеты лучше всего сумеют «протести» через парламент те, кто на все лады склоняет слова «демократия и социализм».

Первые два очерка о поездке в Данию см. в «Литературной газете» от 1 и 20 августа.

Одетый в гранит островок Слотсхольм — древняя цитадель Копенгагена. Здесь, между старой биржей с упирающимся в небо шпильем из трех связанных змей и прямыми строгими линиями музея Торвальдсена, высится башня замка Христиансборга. Этот замок, имитация старины, — творение зод-

Волшебные собаки НАТО

Одетый в гранит островок Слотсхольм — древняя цитадель Копенгагена. Здесь, между старой биржей с упирающимся в небо шпильем из трех связанных змей и прямыми строгими линиями музея Торвальдсена, высится башня замка Христиансборга. Этот замок, имитация старины, — творение зод-

чич начала нашего века. В нем находится фолькетинг.

Портал у входа в парламент поддерживают карниаты. Нелегко им! Скульптор старался, чтобы все видели, что на своих согнутых плечах им приходится выдерживать невероятную тяжесть.

— Памятник налогоплательщикам! — узнается мой спутник Эрик Хорксберг. — Так народ у нас окрестил эти статуи.

Навстречу, по высокой дворцовой лестнице, уже издали улыбаясь, нам, спускается коренастый пожилой человек с энергичным лицом. Это Фулгезанг, депутат от Ольборга — старинного промышленного центра Ютландии, города докеров и металлургов.

Накануне на большом митинге его избиратели приняли гневную резолюцию, требуя немедленно прекратить испытания ядерного оружия. Телеграмма олборгских рабочих, адресованная правительству и фолькетингу, опубликована только в «Ланд оф фоль». Другие газеты предпочитают молчать об этом.

Фулгезанг показывает нам здание парламента и знакомит с посеткой дня нынешней сессии. Мы проходим через большой зал, в котором под стеклом сохраняются оригиналы всех, последовательно сменявших друг друга «дарованных» конституций, каждая поправка в которых на пути демократизации вырана упорной борьбой народных масс. Входим в большую фойе перед залом заседаний. На стенах фрески. Среди листьев и стеблей — изображения птиц и зверей с очень странными для этого места подписями.

Под изображением стриженной овцы написано: «Бог смичает ветер для стриженных овец». Слова, очень подходящие для самоутешения налогоплательщиков! Рядом с курицей изречение: «Не каждая курица, которая хвочет, несет яйца». Это, вероятно, относится к предвыборным обещаниям... Изображение кошки, восседающей на оловке, сопровождается подписью: «Здесь хорошо сидеть». Под самыми медведями: «Закон существует для бодрствующих». И в назидание плохим ораторам под рисунком, изображающим летящих гусей, значится: «Когда поют лебеди, воронам следует молчать»...

Многочисленные рисунки и поговорки, вроде: «Не всякий крик петуха предвещает день», или: «Только тот, кто понимает язык птиц, может стать министром», — изображают, впрочем, не только чувство юмора, но и скепсис автора фресок.

О возвратном чувстве юмора говорят и стены в холле ресторана фолькетинга, сплошь оклеенные карикатурами на депутатов и министров. Эти карикатуры и шаржи вырезаются из журналов и газет официантами. Некоторые депутаты, любящие рекламу, ревниво следят, чтобы не дай бог, не забыли вырезать карикатуру на него.

За часовой кофе в ресторане фолькетинга Фулгезанг обстоятельно рассказывает о работе летней сессии. Когда датский парламент, соблаженный обещаниями военной помощи, проголосовал в свое время за вступление в НАТО, страна расходовала на оборону примерно 200 миллионов крон. Но солдат из НАТО оказался ненасытным. И уже в 1954/55 году он съел 760 миллионов крон. В 1956/57 финансовом году волшебные собаки с горящими глазами принесли ему 860 миллионов крон. А в настоящем бюджетном году расходы по министерству обороны достигают уже одного миллиарда крон. Вот во что обходится маленькому датскому народу американская «помощь». Этот миллиард должны оплатить налогоплательщики.

Трудности, связанные с гонкой вооружений, усугубляются еще тем, что Дания вынуждена облагать своих умелых и трудолюбивых земледельцев, продавая из-за торгового диктата Англии масло, бекон, мясо по дешевке, приобретает у союзников товары по дорогам и все растущим ценам.

— Поэтому-то и правительственных партий сейчас главная забота — снизить покупательную способность населения, чтобы сбаланси-

ровать бюджет. Спор между ними идет только о том, на чью плечи следует переложить наибольшую тяжесть.

При этих словах мне вспоминаются карниаты — «памятник налогоплательщикам».

— Они по мелочам хотят отобрать назад у рабочих то, что бы-

ло добыто в тяжелые классовые схватки, — говорит Хорксберг. — Трудящиеся Дании добились такого положения: если повышаются цены на предметы первой необходимости, входящие в особый индекс, то соответственно должна повышаться и заработная плата. На этой сессии депутаты буржуазных партий, входящих в коалиционное правительство, предлагают исключить из индекса одежду и увеличить налог на нее.

— Не так-то уж хитро задумано. Цены на костюмы повысятся, но заработная плата останется прежней — ведь платье хотят исключить из индекса. Против этого мы решительно выступаем.

Мы в зале заседаний закончили речь, прерываемую враждебными репликами, возгласами одобрения, смехом и аплодисментами. Теперь на трибуну министр финансов. Он нудно читает по бумажке свою речь, которую почти никто не слушает. Один депутат, склонясь к соседу, шепчет ему на ухо. Другой пишет, сверяя написанное с лежащей на пюпитре книгой.

Фулгезанг переводит мне выступление депутата-коммуниста.

— Как избежать экономической катастрофы, если не повышать налог? Как избежать дефицита, если не разместить принудительный заем? — спрашивает нас наши политические противники. Мы отвечаем: надо выйти из НАТО и во всяком случае снизить военные расходы. Одно только уменьшение сроков военной службы, как этого требует молодежь, даст больше средств, чем то повышение налогов, которое проведено в этом году! Уменьшить налоги — значит повысить покупательную способность населения. А тогда увеличится производство товаров и уменьшится безработица. Чтобы перестать быть лишь животноводческой фермой Англии и выйти из кабальной зависимости от нее, надо расширить торговые связи с Советским Союзом, с Китаем, со странами народной демократии, брать у них заказы, от которых Дания сейчас, связанная запретами НАТО, отказывается...

Через несколько дней, путешествуя по стране, я вочую убедился в том, сколько важных внутренних проблем — и постройки мостов через проливы, и сооружение рыбачьей гавани на западном побережье Ютландии, и освоение новых земель, в которых так нуждаются датские крестьяне, и связанное со всем этим уменьшение безработицы — можно было бы успешно решить, снизив военные расходы.

Однако уже в тот самый день, когда мне довелось побывать на заседании фолькетинга, я увидел, как тяжело отзывается на доходах трудовой семьи проведенное в этом году повышение прямых налогов.

Я был в гостях у художницы Бодиль Скютте. Живопись здесь прожить нельзя, и она работает чертежницей. Жалование — тысяча крон в месяц — равно заработной плате среднего служащего или высококвалифицированного рабочего. Как же оно распределяется? Любопытному иностранцу дозволено задавать такие вопросы.

Из тысячи крон 240 уходят на квартирную плату, 211 крон съедает подоходный налог.

— Так что кричать «ура» не приходится, — узнается Бодиль. — Но ведь нас с матерью только двое, а каково тем, у кого дети, большая семья?

Беседа прерывается звонком. Хозяйка открывает двери.

— Вот дополнение к тому, что я сейчас вам говорила. — и Бодиль Скютте протянула мне листок, принесенный почтальоном. Это налоговый формуляр, в котором уже учтены новые ставки налога.

Теперь Скютте ежемесячно будет платить не 211, а 234 кроны. Прямой налог увеличился на 23 кроны. Мне трудно сразу осмыслить реальное значение этой суммы, и мать хозяйки приходит на помощь.

— За год набирается 276 крон — больше, чем мы тратим на питание в месяц, — объясняет мне старуха.

— По хватит сегодня говорить о неприятностях! — решает хозяйка.

Мы отправляемся к «Русалочке». По дороге, чтобы пройти в взорю, надо опять мновать длинные ряды бомбоубежищ. И, шагая вдоль этого бетонного строя, мы вспоминаем слова Ганса Христиана Андерсена:

«Пусть скорее благословенный мир осенит эти страны! Я всегда верил и надеялся, что мы станем настолько человеческими, что никогда больше не будет войны, что мы будем прибегать к силе убеждения, а не к оружию, и только в самом крайнем случае, как Лютер, швырнем в голову нашего врага чернильницу».

Разве сейчас, более чем через сто лет после того, как были сказаны эти слова, не во власти народа воплотить в жизнь надежду великого датчанина?..

Юбилей Леонгарда Франка

Немецкому писателю Леонгарду Франку исполнилось 75 лет. Автор «Разбойников», «Человек добрый», «Слева, где сердце», «Оксенбургского мужского квартета» и многих других популярных книг прошел трудный жизненный путь. В юные годы ему пришлось переменить много профессий, познать нужду и безработицу. «За последние годы, — вспоминал он те годы в одном из автобиографических произведений, — я обедал в среднем по пять раз в год».

Книги Леонгарда Франка полны поисков правды и человечности, они борются против насилия, ханжества, мракобесия и войны. В своих произведениях писатель выступает в защиту «маленького» трудящегося человека, задавленного порядками капиталистического общества.

В автобиографической поэме «Слева, где сердце» писатель приходит к выводу, что порочный «экономический строй стабильности и чистоты» — будет заменен социалистическим экономическим строем.

В 1955 году Леонгард Франк посетил Советский Союз. Здесь он приобрел множество друзей, особенно среди молодежи. Ей, молодежи, его светлом будущем служит перо писателя. В своем приветствии «Молодежи мира», написанном незадолго до открытия VI Всемирного фестиваля молодежи в Москве, Франк писал: «Вы против войны, против разжигания ненависти между народами, против расовой дискриминации, за мир, за равенство всех людей и рас. За эти цели боролся и я, и я служил пером всю свою жизнь. Многие из вас ощутили на себе все ужасы войны. Пусть это будет в последний раз».

Завещание Малапарте

В РИМЕ после продолжительной болезни скончался крупный итальянский писатель и публицист Курцио Малапарте, широко известный своими книгами, посвященными различным сторонам жизни итальянского народа. В период господства фашизма в Италии Малапарте не раз выступал против режима Муссолини. Книги Малапарте были запрещены, а их автор девять раз подвергался аресту.

Из книг писателя, вышедших после войны, наиболее популярны романы «Капуц» и «Кожан». Последняя книга была запрещена итальянскими властями в 1949 году.

Перед смертью Малапарте обратился с просьбой принять его в ряды Коммунистической партии Италии. Писатель много ездил. Свое последнее путешествие Курцио Малапарте совершил в новый Китай, откуда возвратился незадолго до смерти Малапарте заволажал свою виллу на острове Капри в подарок китайским писателям. Так он стремился отблагодарить своих китайских друзей за внимание, которое было оказано ему во время пребывания в Китае.

Читая журналы... БЕЗ ИЗЛИШЕСТВ

ПОРА подумать о романе. Нет, пока ничего страшного не случилось — романы пишутся и печатаются. Но рутинно, беспорядка, всяческого произвола в этом деле много.

Возьмем, например, объем книги. Кто во что горазд. Никакой системы, никаких твердых границ. Знай себе, пишущий и пишит. Куда это годится? У одного роман — 300 страниц, у другого — 500. Бывает и больше: некоторые норовят трилогии писать. К чему такой размах? Что хорошего в толстенных книгах? Пришло время решительно и смело упорядочить положение дел на этом давно запущенном участке литературы. Покончить с дремучей отсталостью. Поставить роман на должное место. Установить для него единые нормы — ну, пусть, скажем, 29 страниц. И все. Совершенно достаточно. Без излишеств.

Сделать это не так трудно. Берется, скажем, последний роман известного немецкого писателя Э. М. Ремарка «Черный обелиск», еще не вышедший на русском языке. Опытный человек бережно намечает в этой книге девять наиболее значительных глав. Особенно дотошных и введливших читателей — всегда есть такие припроры — во вступительной статье (четыре странички убористого текста) следует познакомиться с содержанием романа, рассказать им о фоне, на котором развивается действие романа, о противоречиях той части современной западноевропейской литературы, которая в своей критике буржуазного общества продолжает традицию критического реализма, но оказывается непоследовательной, а подчас и бессильной, когда ей нужно выразить положительные философские, политические, морально-этические идеалы. После этого останется еще целых 25 страниц, в которые легко уместить тщательно отобранные, наиболее значительные главы. И дело с концом.

Да, могут возникнуть еще затруднения, если в намеченных главах вдруг встретятся незнакомые имена или речь пойдет о неизвестных событиях. Но это пустяки. Здесь нужно поступить следующим образом: две-три строчки лаконичных примечаний — и все сразу станет ясно. Требуется, скажем, сообщить об эпохе, к которой относятся изображаемые события, — лапидарная и исчерпывающая характеристика готова: «Действие романа происходит в на-

чале 20-х годов, когда Германия переживала жесточайшую инфляцию». Разве могут сравниться с ней пространное описание и подробные картины, которыми обычно злоупотребляют романисты? Упоминуть в отрывке Лиза Вацек и Кнопф, — читатель тут же получит обстоятельную информацию: «Лиза Вацек — жена мясника Вацек, ярого сторонника нацистов, и любовница Георга Кроля; Кнопф — отставной фельдфебель и запойный пьяница». И хотя в романе Ремарка, на наш взгляд, есть существенный недостаток — слишком много героев, — с помощью метких и выразительных комментариев дело легко поправить. Кто такой Георг Кроль? Тотчас же можно получить ясный ответ: «...Георг и Генрих Кроли — владельцы конторы по установке надгробий. У них в качестве единственного служащего работает участник войны Людвиг Бодмер, от лица которого ведется повествование; Георг Кроль — старший совладелец фирмы — фронтовой друг Бодмера; Курт Бах — неудачливый скульптор, отказавшийся от своих надежд на карьеру художника и изготовляющий теперь скульптурные фигуры для памятников, устанавливаемых фирмой Кроль». До чего здорово, просто диву даешься. Кратко, ясно, доступно.

Конечно, могут найтись и противники. Они будут говорить: художественная ткань, сюжетная линия и другие туманные слова. Но, по правде говоря, никто никогда не видел сюжетную линию — все это выдумки критиков. И даже если она существует, надо еще доказать, что она на самом деле нужна. Что же касается ткани, то, как известно, чем меньше ее расходуешь, тем лучше. Бережливость — хорошая черта...

Остается сказать, что все это — не наша фантазия. На основе вышесказанного метода журнал «Иностранная литература» в только что вышедшей августовской книге познакомил читателей с романом Э. М. Ремарка «Черный обелиск». 9 отрывков, примечания, вступительная статья, которую любезно предоставил для этого благого начинания критик Сергей Львов, — и все вместе 29 страниц!..

Вряд ли у редакции «Иностранной литературы» будут основания обижаться, если иной читатель, познакомившись с сокращенным изложением романа «Черный обелиск», вспомнит некоторые американские издания, выпускающие художественные произведения в «сжатом» виде.

ЛИТЕРАТОР

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО ЗА РУБЕЖОМ

«АНТИАМЕРИКАНЦЫ»

В АМЕРИКАНСКОМ издательстве «Камелот» вышел роман Альвы Бесси «Антиамериканцы». Автор книги — американский коммунист, одна из первых жертв последовательной «охоты за ведьмами». В числе первых голливудских деятелей культуры он был брошен в тюрьму.

Книга Бесси посвящена разным судьбам двух американцев. Один из них, Бен Блау, журналист. Он сражался в Испании на стороне народа. По возвращении в Соединенные Штаты Блау вступил в коммунистическую партию и написал книгу об Испании. Во время второй мировой войны он получает ранение во Франции и награду за храбрость. По мере развертывания «холодной войны» ему все труднее и труднее становится сводить концы с концами писательским трудом у себя на родине. Вскоре его вызывают в комиссию по расследованию антиамериканской деятельности. Он отказывается отвечать на вопросы комиссии и попадает на скамью подсудимых по сфабрикованному обвинению в «жестокости».

Осведомителем, выступавшим на суде против Бена Блау, является другое главное действующее лицо романа — Франсис Квасвер Лэнг. Это преуспевающий журналист, в свое время также побывавший в Испании. Там он встречается с Блау и становится его другом. В Америке его корреспондентом считают «буклетным». Одновременно Лэнг втайне собирает сведения о войсках испанских республиканцев для американской разведки. Возвратившись в США, он вступает в коммунистическую партию, но вскоре выходит из нее. Он пишет книгу и пьесу о войне в Испании, имеющие большой успех. И когда в 1948 году его вызывают в комиссию, перед ним два пути: либо он потеряет все — славу, богатство, имя, работу, либо он спасет себя, став осведомителем. Лэнг выбирает второй путь.

Так, в резком противопоставлении этих двух характеров, развертывается действие романа Альвы Бесси. «Антиамериканцы» — это те, кому Америка обязана годами «холодной войны», преследования свободной мысли, разнузданного маккартизма, — к такому выводу склоняет автор читателя книги.

Прогрессивная печать тепло встретила появление нового произведения А. Бесси. «Это захватывающий роман», — писала газета «Пилз уорлд», — роман, в котором чувствуется дыхание текущего периода истории; роман, ярко показывающий центральный социальный конфликт в действиях людей и обладающий прежде всего реалистической, жизнеутверждающей силой».

В целом высоко оценивая книгу «Антиамериканцы», критики отмечают и отдельные недостатки романа, в частности более схематичную трактовку образа коммуниста Блау по сравнению с фигурой Лэнга.

Вопреки установившейся традиции, на книгу прогрессивной печати автора откликнулась буржуазная газета «Нью-Йорк таймс». В своем литературном приложении она поместила нечто вроде рецензии на роман А. Бесси. Уклонившись от анализа книги, «Нью-Йорк таймс» зато старательно начинала свою рецензию антисоветской клеветой.

Первая книга Дьюлы Сабо

БОЛЬШОЙ успех выпал в Румынии на долю молодого венгерского писателя из Трансильвании Дьюлы Сабо. Его роман «Семья Гондош» — первый из задуманной им трилогии — вышел в венгерском и румынском языках и сразу же стал популярным. Литературная критика в Румынии считает издание этого романа «событием, заслуживающим большого внимания».

«Семья Гондош» — роман о коллективизации венгерского села. Автор, однако, развивает рамки своего повествования и стремится создать широкое эпическое полотно о судьбах венгерского крестьянства в Трансильвании.

Недавно в журнале «Лупта де класе» опубликована большая статья Думитру Мику о романе. Журнал характеризует «Семью Гондош» как эпический роман, «который лучше других произведений последних лет раскрывает образ сегодняшнего села Румынии во всей сложности вопросов, волнующих его жителей». Неоспоримой заслугой писателя журнал считает то, что автор затронул самые животрепещущие темы нашей сельской жизни. «Очень ярко показаны противоречия между различными слоями крестьянства в момент, когда классовая борьба принимает наиболее острые формы... Борьба между коммунистами Михаем и Шоной Акач и, с другой стороны, кулацкими элементами во главе с Палом Гондошем является основной сюжетной линией романа».

В романе «Семья Гондош», говорится далее в статье, мы сталкиваемся с реальными конфликтами, происходящими между живыми людьми. Партийное отношение автора к жизни села — проявляется не в декларативных выступлениях в защиту коллективного метода ведения сельского хозяйства, а в реальном покое того, что дает крестьянам социалистическое преобразование села.

Журнал «Лупта де класе» в заключение пишет:

«Книга Дьюлы Сабо служит ярким ответом скептикам, которые считают, что писать о современных событиях еще рано, нужно подождать, чтобы они прочно вошли в историю. Этим скептикам мы отвечаем: «Выжидательные позиции не свойственны передовым людям нашего бурного века... Вся жизнь быстрыми темпами идет вперед, и «выжидание» писателей, которые уклоняются от современных тем, может лишить нашу литературу той воспитательной роли, которую выполняют книги, подобные роману Дьюлы Сабо».

КОРОТКО

В наступающем сезоне драматические театры Албании покажут ряд спектаклей, посвященных 40-й годовщине Октябрьской революции. В их числе — «Кремлевские курьезы» Н. Подольца, «Радом» В. Лавренева и «Любовь Яровая» К. Тренева.

Велградская газета «Вечерние новости» сообщает, что саревская интеллигенция «Босна филм» подписала в Риме договор о производстве с Лаврентисом о совместных съемках кинокартин «Италийская дочка» по повести А. Пушкина. Съемки начнутся в марте 1958 года.

Американская кинофирма «Юниверсал» интерпретировала фильм экранизирует роман Э. М. Ремарка «Время жить и время умирать». В одной из главных ролей — учителя Полмана — выступил автор романа Ремарк.

Французский режиссер Жан Поль Ле Шанва, известный своими работами по кинокартине «Папа, мама, служанка и я», в творческом сотрудничестве с киностудией «ДЕФА» снимет фильм по роману Виктора Гюго «Отверженные». В главной роли известнейший французский киноактер Жан Габен.

Даже буржуазная пресса все чаще начинает печатать карикатуры, высмеивающие абстрактную живопись. Сегодня мы публикуем рисунки из французского еженедельника «Карфур».

— Вы не понимаете моих картин? Это меня удивляет... Я продал точно такие же идиотам, которые все отлично поняли. — А эти фрески тоже выполнены вами? — Нет, это от сироты...